

СУДЕБНАЯ КОНТРЕФОРМА, «СУДЕБНАЯ КОНТРЕФОРМА» ИЛИ ТАК НАЗЫВАЕМАЯ СУДЕБНАЯ КОНТРЕФОРМА

Аннотация. Статья посвящена одному из дискуссионных вопросов, связанных с судебной реформой 1864 г. – вопросу о том, была ли на самом деле проведена судебная контрреформа, аналогично земской, городской, университетской контрреформам

Ключевые слова: Судебные уставы 1864 г., судебная реформа, судебная контрреформа, политическая юстиция, суд присяжных, независимость суда

Российская история дала людям, изучающим ее неисповедимые пути, материал, чтобы создать многочисленные схемы и концепции ее циклов¹: от анекдотических «лысый-волосатый» или «хороший-плохой» правитель, через мистические, нумерологические и т.п. – до – «централизация-децентрализация» у Н.Я. Эйдельмана, «мобилизация-либерализация» у Р. Вишневского, «реформы-контрреформы» у А.Л. Янова, А.С. Ахиезера, А.Н. Медушевского и др. Нам интересен последний взгляд на циклы – явно устоявшийся и относящийся к периоду 2-й половины XIX в.

Последовательная смена реформ и контрреформ, как это давно признано в отечественной исторической науке, – характерная черта русского исторического процесса нового и новейшего времени². Смысл контрреформ историки справедливо усматривают в усилении административного контроля и надзора со стороны государства за социальной жизнью.

Суть антитезы – вопрос о том, какой перспективный путь развития экономики и социальных отношений – продолжение их регулирования со стороны административного аппарата или свободное развитие частной инициативы, предпринимательства и конкуренции. Реформы 60-х годов XIX века открыли путь к свободе, но потом последовал «откат», суть которого – усиление надзора администрации и контроля государства за всеми сферами жизни общества. Это было в значительной степени (хотя и не буквально, не полностью) возвратом к дореформенному порядку.

Наступление контрреформ оказывается пирровой победой в более длительной перспективе. Вместо ожидаемого успокоения общества и

** Краковский Константин Петрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственного управления ИГСУ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, frelena@mail.ru*

¹ См.: Розов Н. С. Циклы российской истории: анализ порождающего механизма // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 1. С. 56-62.

² См.: Медушевский А. Н. Формирование гражданского общества: реформы и контрреформы в России // Реформы и реформаторы в истории России. Сб. статей. М., 1996. С. 69-78; Реформы и контрреформы в России XIX-XX вв. // Вестник МГУ. История. 1995. № 5 С. 64-65; Новикова Л. И. Российские ритмы социальной истории М.: ИНФРА, 2004. С. 35-36. Кириллов В. В. К истории реформ и контрреформ в контексте российской модернизации XVII-XX веков. М., 2005.

возвращения вспять, контрреформы только на время отодвигают разрешение противоречий, порождая опасную тенденцию к социальной дестабилизации¹.

Проблема контрреформ 80-90-х годов XIX в., вообще, и судебной контрреформы, в частности, уже более века является дискуссионной. Предмет настоящего издания обуславливает наш особый интерес к проблеме именно *судебной контрреформы*. Действительно, настоящим «бельмом на глазу» консервативно-охранительных сил были Судебные уставы 1864 г., на которые, начиная уже с 60-х годов XIX в. обрушился шквал серьезных поправок, изменений, изъятий.

Еще в 80-е годы XIX в. была заложена историографическая традиция квалификации пореформенного реакционного (охранительного) законодательства в судебной сфере как *судебной контрреформы*; было положено начало длящейся до сих пор дискуссии о наличии (или отсутствии) этого феномена в политико-правовой истории пореформенной России.

Либеральная русская научная литература и публицистика первоначально избегали использовать термин «контрреформы», применительно к современным ей явлениям государственно-правовой действительности *70-80-х годов XIX в.* Хотя историк А.А. Корнилов вообще обозначил «нижнюю границу» длительной реакции правительства в отношении нового суда – *1866 г.* (в связи с принятием первой «новеллы», искажавшей Уставы 1864 г., – закона о порядке рассмотрения дел о преступлениях в печати).² Полагаем, у него были для этого основания, о чем мы напишем ниже.

Историки писали о последующих «искажениях», о «пересмотре реформ 60-х годов» в реакционном духе. Но они оговаривались, что наступление реакции не прервало реформационный процесс, но придало ему «болезненный ход и ненормальные формы».

Лишь с *конца 80-х годов XIX в.* в научной публицистике (статьи К.К. Арсеньева) появился термин «эпоха контрреформ».³ Впервые термин «контрреформа»⁴, применительно к *судебным порядкам*, использовал в 1890 г. известный юрист и публицист П.Н. Обнинский в статье «Откуда идет деморализация нашей адвокатуры?».⁵

¹ Медушевский А. Н. Формирование гражданского общества. С. 73.

² См.: Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 261.

³ Статьи К. К. Арсеньева в «Вестнике Европы». 1887. Февраль. С. 327-351; 1888. Март. С. 327-335 и др.

⁴ Термин «контрреформа» был заимствован отечественными авторами либерального толка из истории предреволюционной Франции. «Контрреформами» называли тогда реакционные меры, посредством которых были отменены либеральные реформы, проведенные в 1774-1776 гг. генеральным контролером финансов Тюрго, а сам их автор отправлен в отставку. См.: Большакова О. В. Бюрократия, реформы и контрреформы (1855-1894 гг.) в освещении англоязычной историографии. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 23.

⁵ Юридический вестник. 1890. Т. VI. Кн. 1 (сентябрь). С. 29.

Позднее его повторит историк А.А. Кизеветтер в качестве характеристики общей тенденции в судебной политике самодержавия. Он писал, что, хотя Судебные уставы не были подвергнуты пересмотру в полном объеме и не были заменены новыми, тем не менее, рядом «... так называемых новелл, был внесен в Судебные уставы Александра II дух противоположных начал, что в совокупности эти новеллы представляли контрреформу... И наши деятели небезосновательно считают, что от Судебных уставов остался один переплет...»¹. Он также отмечал, что, проведя «кургузую крестьянскую реформу, правительство приступило к следующей уже скрепя сердце, с удовольствием отказалось бы от остальных реформ, да беда была в том, что что эти реформы вызывались отменой крепостного права, тогда фактически не было возможным не приступать к другим реформам... Но в других реформах стало сказываться уже тормозящее (читай, охранительное – К.К.) направление». Правительство испугалось радикализма судебной реформы и вводило ее медленно и по частям, в измененном виде.

Юрист М.П. Чубинский, имея в виду изменения в Судебных уставах во 2-й половине XIX в., использовал в 1911 г. термин «*реформа наоборот*».²

Таким образом, в русской юридической публицистике XIX в. понятие «контрреформа» представляло собой, скорее, *фигуру речи* совершенно определенного свойства, поскольку все понимали, что «отменить» великие реформы, вообще, и судебную, в частности, невозможно.

Системный анализ мероприятий судебной контрреформы можно найти в работах И.В. Гессена и др.³

Своеобразный симбиоз либеральных и консервативных взглядов на проблему контрреформ представлен у С.Ф. Платонова. Главной целью политики Александра III по убеждению автора, было укрепление авторитета верховной власти и государственного порядка, усиление надзора и влияния правительства, в связи с чем «*пересматривались и улучшались*» законы и учреждения, созданные в эпоху великих реформ. Он признает, что установленные ограничения в сфере суда и др. социальных сферах придали политике Александра III «строго охранительный и реакционный характер», однако противовесом этой отрицательной стороне правительственного курса были серьезные меры по улучшению положения сословий, а также

¹ Кизеветтер А. А. История России XIX века. В 2-х ч. Ч.2. М., 1916. С. 123.

² Чубинский М. П. Вопросы дня // Статьи и речи по вопросам уголовного права и процесса. СПб, 1906-1911. Т. 2. С. 218.

³ См.: Гессен И. В. Судебная реформа. М., 1905. С. 180-219; Судебная реформа / Под ред. Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянского. М., 1915. Т. 2. С. 41-80. Михайловский И.В. Основные принципы организации уголовного суда. Уголовно-политическое исследование. Томск, 1905.

хорошими результатами в области упорядочения финансов и развития государственного хозяйства¹.

Б.А. Кистяковский в своей знаменитой статье «В защиту права», опубликованной в сборнике «Вехи» в 1909 г., обратившись к проблемам деятельности русского суда и отношения к нему правительства и общества, отметил основные направления «порчи», которой подвергся суд в пореформенный период: метаморфозы в сфере политической юстиции, ограничение независимости суда².

В некоторых своих работах, В.И. Ленин, молодость которого пришлась на контрреформенный период (т.е., он все видел воочию), отметил консервативный, а временами реакционный характер пореформенной эпохи: «Сделано все возможное и невозможное, чтобы уступить как можно меньше, чтобы обкорнать демократические требования», и обкорнать именно «для вящего торжества бюрократии»³. «Реакционный характер «пореформенной» эпохи», указывал он, обнаруживается на другой же день после вступления в силу закона 1864 г., преобразовавшего нашу «судебную часть»⁴. Целью системных мероприятий правительства по ограничению принципов и институтов реформ (земской, городской и, конечно, судебной) было, по его мнению - «восстановить» твердую власть»⁵.

В советской литературе, следовавшей в русле указаний «основоположников» (кстати, первым в советской историографии использовал термин «контрреформы» М.Н. Покровский⁶), на протяжении десятилетий термин контрреформы относили лишь к реакционным мероприятиям правительства 1880-1890-х годов, которые были направлены на то, чтобы ограничить или ликвидировать достижения «великих реформ» 60-х годов. Сам термин изначально носил негативный смысл, что создавало затруднения для научного рассмотрения явления.

К началу 1960-х годов этот термин утвердился, и содержание его значительно расширилось (наряду с контрреформами в сфере местного самоуправления, сюда относили контрреформы в области печати, университетского и среднего образования).

Однако отечественные историки (П.А. Зайончковский, Л.Г. Захарова, И.В. Оржиховский, В.А. Твардовская, П.Г. Рындзюнский, А.К. Афанасьев и др. ⁷), признавая факт проведения некоторых контрреформ (городской,

¹ Платонов С. Ф. Учебник русской истории. СПб, 1993. (Первое издание – 1909-1910 гг.). С. 390-392.

² Кистяковский Б. А. В защиту права (о задачах нашей интеллигенции) // Власть и право. Из истории русской правовой мысли. Л. 1990. С. 193 и след.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.5. С. 61-62.

⁴ Там же. Т. 4. С. 408.

⁵ Там же. Т. 4. С. 407.

⁶ Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1933. С VII.

⁷ Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880 годов. М., 1964; Российское самодержавие в конце XIX столетия (Политическая реакция 80-х-начала 90-х

земской, университетской), возражали против факта проведения судебной контрреформы, считая, что все пореформенные изменения в судебной системе носили частный характер, что это были паллиативы, «ограничения», но не ликвидация ключевых институтов и принципов реформы, и что самодержавие не осмелилось пойти на коренные изменения. Иными словами, судебной контрреформы, в отличие от земской и городской, по их мнению, не было¹.

Можем, однако, заметить, что действительно, выглядит странным то, что для признания наличия земской и городской контрреформ считаются «достаточными» изменения закона о выборах в земства и городские думы (при сохранении самих институтов и основ их деятельности). А для признания наличия судебной контрреформы историками считаются «недостаточными»² ликвидация целого института (мировой юстиции) и замена его административным разбирательством³, подрыв ключевого принципа независимости суда, создание специальных процедур расследования и рассмотрения дел о государственных преступлениях, обеспечивающих резкое увеличение административного элемента за счет юридического и пр.

В конце 60-х годов XX в., оценивая (и, возможно, несколько переоценивая) мероприятия правительства в судебной сфере в пореформенный период утверждая, что были, по сути, *ликвидированы, подорваны* все принципы Уставов 1864 г.) системные мероприятия правительства в отношении суда, Б.В. Виленский впервые в советской историографии квалифицировал их как *судебную контрреформу*, по аналогии с земской и городской контрреформами 80–90-х годов XIX в.⁴

Выдвинутая Б.В. Виленским идея о судебной контрреформе вдохнула новую жизнь в дискуссию о ее бытии. Вслед за ним ряд исследователей,

годов). М.: Мысль, 1970; Захарова Л. Г. Земская контрреформа 1890 г. М., 1968; она же Александр II и отмена крепостного права в России М., 2011; Оржеховский И. В. Администрация и печать между двумя революционными ситуациями (1866–1878 гг.). Горький, 1973; он же Из истории внутренней политики самодержавия в 60–70 гг. XIX века. Горький, 1974; он же Самодержавие против революционной России. М.: Мысль, 1982; Чернуха В. Г. Правительственная политика в отношении печати 60–70 гг. XIX века. Л. 1989; она же Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л.: Наука, 1978; Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия. М., 1978.

¹ Обзор этой дискуссии см.: Немытина М. В. Суд в России: вторая половина XIX — начало XX вв. Саратов, 1999. С. 25–28.

² См., напр.: Биюшкина Н. И. К вопросу о понятии «контрреформа» 80–90-х годов XIX в. в России // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. 2011. № 3(66). С. 4–11.

³ Интересно, что П. А. Зайончковский, отрицавший проведение судебной контрреформы, признавал введение земских начальников частью земской контрреформы. Однако историки права с не меньшим основанием относят введение земских начальников к составной части судебной контрреформы.

⁴ См.: Виленский Б. В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969.

преимущественно юристов, историков-правоведов (В.А. Шувалова, Ю.Г. Галай, Е.Н. Кузнецова, Т.У. Воробейкова, А.Б. Дубровина, Н.В. Черкасова, Ф.А. Ишкулов, А.Е. Скрипилев, М.В. Немытина, Н.Н. Ефремова, Н.М. Корнева, В.К. Цечоев, В.В. Золотарев, К.П. Краковский и мн. др.), поддержали его идею, признав, что судебная контрреформа была проведена, серьезно ограничив буржуазно-демократические принципы судостроительства и судопроизводства.

Однако с самого начала и среди сторонников признания проведения судебной контрреформы обнаружились некоторые разногласия в понимании ее сути. «Основоположник» идеи о проведении судебной контрреформы Б.В. Виленский понимал под ней принятие ряда нормативных актов, которыми «были фактически перечеркнуты основные демократические институты Судебных уставов». По мнению Ю.Г. Галай, термин «контрреформа» в судопроизводстве следует понимать не как единый правительственный акт, а серию многолетних законодательных и административных мероприятий, значительно изменивших первоначальные судебные принципы.¹ Еще менее жесткую позицию занимала Н.М. Корнева: «... под судебной контрреформой следует понимать пересмотр основных положений Судебных уставов, направленный на их ликвидацию, в результате которого основные принципы судебной реформы были ограничены, но не уничтожены»². Последнее обстоятельство, считала она, свидетельствовало о незавершенности контрреформы.

Впрочем, в этой «команде» юристов были и гражданские историки, в частности, Н.А. Троицкий, крупнейший специалист по истории политических процессов в XIX в., признававший проведение судебной контрреформы³. Проблеме судебной контрреформы были посвящены и специальные исследования, диссертации.⁴

В *постсоветской историографии* отмечен новый виток дискуссии о контрреформах, вообще, и о судебной контрреформе, в частности, хотя теперь она *почти* лишена идеологической начинки.

Продолжается своеобразный раскол в среде ученых: в 1996 г. авторитетные историки А.С. Ахиезер, В.В. Ильин и А.С. Панарин выпустили книгу, в которой без обиняков перечислили в ряду «общепризнанных

¹ Галай Ю. Г. Российская администрация и суд во второй половине XIX века (1866-1889). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1980.

² Корнева Н. М. Политика самодержавия в области судостроительства и судопроизводства (1881-1905 гг.). Дис. ... канд. ист. наук, Л., 1990. С. 28

³ Троицкий Н. А. Россия в XIX веке. М.: Высшая школа, 1997. С. 320-324.

⁴ Кузнецова Е. Н. Контрреформы 80–90-х годов XIX в. в России (государственно-правовая характеристика. Дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1977; Немытина М. В. Судебная контрреформа и Комиссия Н. В. Муравьева. Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1987; Скрипилев Е. А. Об одной стороне судебной контрреформы в России // Советское государство и право. 1983. № 9. С. 119–123.

контрреформ» и судебную.¹ Б.Н. Миронов также признает проведение контрреформ, впрочем, сопровождает их оговоркой «так называемые»².

К группе историков московской школы, отрицавших проведение судебной контрреформы, примкнул известный ученый-юрист А.С. Смыкалин, опубликовавший серию статей по этой теме. Он полагает, «что речь может идти лишь об отдельных преобразованиях, не затрагивающих основ судебной реформы»; что была проведена «модернизация правоохранительной системы, которая стала ответом на террор и хаос в стране», и вообще появление концепции судебной контрреформы во многом было обусловлено, как он считает, идеологическим фактором.³

И.А. Исаев дал критику мифологеме пореформенного сознания и вообще представил данный спор как противостояние двух идеологических мифов – «мифа реформизма» и «мифа контрреформизма»⁴.

Появился и новый тренд брать в кавычки слово «контрреформа»⁵, что еще больше запутывает ответ на вопрос: были ли контрреформы на самом деле?⁶

Сейчас можно назвать несколько точек зрения на эту проблему. М.В. Немытина представляет «классический» подход, заявленный еще Б.В. Виленским.⁷ К.П. Краковский, принимая идею контрреформы, видит ее в последовательных законодательных мерах, а также противоправных мерах

¹ Ахиезер А. С., Ильин В. В., Панарин А.С. Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса. М., 1996. С. 54–55. Также см.: Золотарев В. В. К вопросу о судебной реформе и контрреформе в России в 1850-1880 годы М., 2001; Тянь В. В. Россия на изломе веков: самодержавный режим на весах системных кризисов (вторая половина XIX - начало XX в). М., 2002. С. 123-202.

² Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.). Т.2. СПб, 2003. С. 153-154.

³ Смыкалин А. Судебная контрреформа конца XIX в.: миф или реальность // Российская юстиция. 2000. № 10, 11; 2001. № 1, 3, 5, 7. Он же История судебной системы России: Учебн. пособие. М., 2010, 213 с. Параграф «Судебная контрреформа, которой не было» (с. 102-103).

⁴ Исаев И. А. Политическая мифология контрреформизма (опыт России на рубеже веков) // Из истории реформаторства в России. Философско-исторические очерки / Под ред. А. А. Кара-Мурзы. М, 1991.С. 68-78.

⁵ См., напр.: Корелин А. П. Власть и общество в России. Век XIX: время ожиданий и перемен. М., 2013. Глава «Россия на перепутье. “Контрреформы”». С. 130-165. Аналогично поступил неназванный автор вступительного очерка к IV тому (На рубеже веков: эпоха войн и революций) шеститомника «Судебная власть в России. История. Документы» (М.: Мысль, 2003. С. 7-28). На удивление, этот очерк к столь солидному изданию переполнен фактическими ошибками.

⁶ См.: Власть и реформы. От самодержавной к советской России. М., 2006; Власть и реформы в России. Материалы «круглого стола», посвященного обсуждению коллективной монографии петербургских историков // Отечественная история. 1998. №2. С. 3-36.

⁷ Немытина М. В. Суд в России. Глава «Судебная контрреформа». С. 70-102.

власти, направленных на бюрократизацию юстиции.¹ А.А. Демичев, в какой-то мере реанимируя старую идею, высказанную еще царским министром юстиции Н.В. Муравьевым² и рядом его единомышленников, выступил с концепцией «кризиса судебной системы», отказавшись от термина «контрреформа».³

Представляет интерес позиция по рассматриваемому вопросу авторов фундаментального коллективного труда «Реформы в России с древнейших времен до конца XX века». (Тт. 1-4. М.: РОССПЭН, 2016). Нас в данном случае интересует третий том издания «Вторая половина XIX – начало XX в.» (автор главы - д.и.н., профессор И.А. Христофоров).

Автор главы подчеркивает неоднозначность аргументов как сторонников, так и противников идеи о наличии, бытии контрреформ, впрочем, и сам проявляет колебания в выводах. Он приводит стандартные аргументы противников употребления термина: «1. Эта политика была направлена не на возвращение николаевских времен (что было бы и невозможно), а лишь на некоторую, достаточно скромную корректировку, так сказать «исправление» реформ. Во-вторых, во многих сферах прежний курс благополучно продолжался (например, развивалась экономика страны и правосознание жителей страны. В-третьих, многие современники, ощущая явный сдвиг в «верхах» в сторону консервативных и «национальных» начал, все же не считали новый курс «контрреформами»⁴). Таким образом, в отличие от рубежа 1850-1860-х гг. в правительственной политике преобладал скорее континуитет».

Но тем не менее, ключевые правительственные мероприятия 1880-1890-х гг., по его мнению, имели в качестве ясно выраженной и вполне сознававшейся цели пересмотр важнейших параметров реформ. Так ли важно, называть ли такой пересмотр «корректировкой» или «контрреформами»? Гораздо существенней понять, чего же хотело правительство, в чем оно опиралось на общественную поддержку, в чем действовало вопреки позиции общества и в какой мере власть сумела достичь поставленных целей⁵.

¹ Краковский К. П. Была ли на самом деле проведена судебная контрреформа? // Известия вузов. Правоведение. 2010. № 3. С. 82-93. Также см.: Краковский К. П. Политическая юстиция в России. Глава «Судебная контрреформа».

² Муравьев Н. В. Объяснение на первом заседании соединенных департаментов Государственного совета при рассмотрении представления министра юстиции по пересмотру законоположений по судебной части, 16 декабря 1902 г. // Муравьев Н. В. Последние речи. 1900-1902. СПб, 1903. С. 50-112.

³ Демичев А. А. Судебная контрреформа или кризис судебной системы России в 70-80-е годы XIX в. (Новый взгляд на решение старой проблемы) // Государство и право. 2012. № 10. С. 66-73.

⁴ Сразу заметим, что было немало и тех современников, кто считал этот курс контрреформой, в том числе в судебной сфере, о чем мы писали выше.

⁵ Реформы в России с древнейших времен до конца XX века. Т. 3. С. 61-62.

В сущности, любые реформы можно трактовать как «контрреформы» и наоборот, в зависимости от целей интерпретатора. Однако если концентрироваться не на терминах, а на сути и на риторическом оформлении той или иной политической программы, несложно обнаружить, что некоторые из этих программ строятся на преемственности по отношению к прежнему политическому курсу, а другие, напротив, на отчетливом и осознанном противопоставлении ему. Сглаживать это противопоставление, игнорировать позицию тех, кто формулировал и проводил в жизнь политический курс, считает автор, было бы глубоко неверно. Да, результаты широковещательных программ по пересмотру «ошибок прошлого» зачастую остаются почти исключительно в области деклараций, не оказывая существенного влияния на институты и текущую внутреннюю политику. Но, во-первых, так происходит далеко не всегда, а, во-вторых, неудавшиеся контрреформы и отсутствие контрреформ – это далеко не одно и то же... Замыслы по «исправлению» Великих реформ оказались более амбициозными и широковещательными по сравнению с тем, что из них вышло, и если оставаться на почве действительно удавшегося консерваторам, то несложно доказать тезис, что никаких контрреформ не было.

Иначе говоря, если сделать акцент на технологиях и практиках администрирования, то закономерным автор считает вывод о *прагматичной корректировке прежнего курса* под влиянием накопленного опыта. Если же в основу суждений о смысле правительственной политики этого времени положить анализ идеологических деклараций и имиджа ключевых политических деятелей (консервативные публицисты, министры, император), то вывод о *радикальном реакционном пересмотре* реформ будет неизбежен.

Поэтому, считает автор, нет смысла отказываться от самого термина «контрреформы», коль скоро речь идет о правительственной политике, идеологии «верхов» и позиции тех правых публицистов, которые стремились оказаться большими сторонниками самодержавия, православия и народности, чем сам самодержец.¹

По-иному он дает ответ на вопрос о «бытии» *судебной контрреформы*. Она, вопреки точке зрения советских историков (Б.В. Виленский), оказалась, по мнению автора, настолько *скромной*, что есть все основания говорить, что она более прочих существовала скорее в воображении ее творцов и критиков, чем в реальности. (Полагаем, что заявление о «скромности», как минимум, спорно, что мы покажем ниже).

Не менее спорно утверждение автора, что «попытки обеспечить законность и правопорядок в судеустройстве не вызывали столь явных политических коннотаций, поскольку, в отличие от административной системы, судебная считалась относительно автономной, и, как казалось, не затрагивала власть монарха. Кроме того, она была

¹ Там же. С. 186-187.

высокоспециализированной сферой профессиональной компетенции. Вероятно, именно поэтому судебная реформа оказалась в ряду Великих реформ наиболее последовательной и даже радикальной».¹

На наш взгляд, как раз наоборот, именно политический смысл судебной реформы (появление независимой от монарха судебной власти) вызывал не только раздражение, но и повлек конкретные меры контрреформы по возвращению «блудной власти» в лоно самодержавия.

Далее, основной причиной того, что судебная контрреформа так и не состоялась, заключалась, по мнению автора в том, что социальные и экономические реалии 1890-х годов уже абсолютно не соответствовали возможному отказу от принципов гласности и независимости суда. Страна вступала в период бурной индустриализации, и без более или менее современной судебной системы быстрый экономический рост был просто невозможен. «Верхи» же воспринимали новый суд прежде всего с точки зрения его воображаемой политической опасности, не слишком задумываясь над гражданскими и экономическими функциями правовой системы»².

Не согласимся и с этим тезисом: дело в том, что мероприятия судебной контрреформы совсем не касались гражданского процесса, «экономического правосудия». Они были направлены в сторону уголовного процесса и политической юстиции, на восстановление возможностей Администрации влиять или руководить судом, позволяя себе пренебрегать и ограничивать как принцип гласности, так и, особенно, независимость суда (используя как правовые, так и неправовые средства). Вопрос об успешности этой деятельности вторичен, важно не то, что *не сделали*: первично то, что *осуществили* на практике творцы судебной контрреформы.

С начала 2000-х годов в отечественной историографии вновь, как в былые времена, стало набирать силу «неоконсервативное направление», превратившееся в 10-е годы нынешнего века в ведущий научный и политический тренд. Симпатии историков «новой “старой волны”» полностью на стороне царской власти, на которую они взглянули, поменяв «черные очки» советской историографии на «розовые»³. Представители «неоконсервативного направления» (Н.И. Биюшкина, А.Н. Боханов, И.В. Воронин, Д.Ф. Аяцков и др.) отрицают проведение судебной

¹ Там же. С. 55.

² Там же. С. 211.

³ См.: Аяцков Д. Ф., Галкин Ю. В., Олесеюк Е. В. Отечественное правосудие в XIX в.: Практика и уроки реформирования // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 3. С. 241–257. Подробный разбор этой статьи см.: Краковский К. П. Была ли на самом деле проведена судебная контрреформа? С. 82–93. Воронин И. В. «Контрреформы» 80–90-х годов XIX в. в административной и судебной сферах. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011; Боханов А. Н. Александр III. С Россией на плечах. М.: Вече, 2013; Мухаметшин Ф. Б. К вопросу о внутренних предпосылках начала судебной контрреформы в России в 70–80-х гг. 19 в. // Евразийский юридический журнал. 2014. № 1. С. 94–96.

контрреформы, но по иным причинам, чем предлагались названными выше гражданскими историками. Они оценивают *позитивно* меры правительства в отношении суда во второй половине XIX в., считая их направленными на устранение недостатков реформы, а также на восстановление законности в стране.

Из работ этого направления обращает на себя внимание, можно сказать, программная статья саратовских историков Д.Ф. Аяцкова, Ю.В. Галкина и Е.В.Олесеюка «Отечественное правосудие в XIX в.: Практика и уроки реформирования». Авторы не просто отрицали факт проведения судебной контрреформы. То, что было сделано с Судебными уставами в пореформенный период, по их мнению, есть «исправление допущенных при реформировании *излишеств и перегибов*, достройкой системы сдержек и противовесов, обеспечивающих равновесие всей правовой системы в целом».

Это, по их словам, «*совершенствование* судебной системы» (sic! – К.К.) было направлено на ограничение провозглашенных в законотворческой спешке (странное утверждение авторов: судебная реформа готовилась с середины 50-х годов XIX в., – почти 7 лет.), но не обеспеченных реально свобод и гарантий.

Вывод, который у этих авторов «не вызывает сомнений»: «новая полоса преобразований, последовавшая за уставами 1864 г., с точки зрения не общеполитической, но профессионально-правовой, представляла собой отнюдь не «реакционный курс», и не «контрреформу», а естественное стремление правительства восстановить утраченную управляемость государственного механизма». «Осознание властями необходимости укрепления правопорядка и политической стабильности свидетельствовало об *истинном прогрессе юстиции* [выделено нами – К.К.], соответствующем ее изначальному предназначению. Иными словами, то, что принято называть контрреформами, на деле было естественным продолжением реформы, причем *наиболее конструктивным* по отношению к *деструктивным по преимуществу начальным ее этапам* [выделено нами – К.К.; т.е. так надо понимать, что Судебные уставы разрушили идеальную судебную систему России, сложившуюся в I половине XIX века?].

Так же отрицает «бытие» судебной контрреформы М.В. Шевырин, автор обзора в совместном реферативном сборнике Российской академии правосудия и ИНИОН¹. Он скептически смотрит на своего рода теорию маятника с амплитудой «реформа-контрреформа», призванную объяснить развитие юстиции в виде простого возвратно-поступательного движения. Он считает, что она не в состоянии объяснить природу значительного прогресса отечественной юстиции в течение XIX в. Как и саратовские ученые, он

¹ См.: История судебных учреждений России. Сб. рефератов. М.: РАП, 2004. С. 157-179.

рассматривает «известные обратные шаги» в судебной политике правительства в качестве исправления ошибок 1864 г.¹

Нам представляется, что использование механистических аналогов всегда упрощает историческую действительность. Разумеется, далеко не каждую из почти 700 новел к Судебным уставам, появившихся в пореформенный период, следует рассматривать в качестве акта «судебной контрреформы» (пока в кавычках), а прогресс русского суда – явление непрерывное с начала существования государства Российского, он продолжался и в пореформенный (и даже в советский!) период. Но именно в этот период, исходя из политических соображений, правительство сделало немало для восстановления привычного контроля администрации за судами; и оправдывать этот регресс с точки зрения уже достигнутого в 1864 г., не говоря уже о современной оценке общечеловеческих (общепризнанных) принципов судостроительства и судопроизводства – это оправдывать замшелые политические авторитарные государственные формы, относиться «с пониманием» к суду «нескорому, неправому, немилостивому и неравному для всех», каким он был в дореформенный период.

Панегириком Минюсту Российской империи пореформенного периода стало юбилейное издание Министерства юстиции РФ. Современные авторы-чиновники начинают оправдывать действия царского Министерства юстиции в период контрреформ, как будто это их коллеги или близкие родственники².

Мы полагаем, что следует остановиться на работах Н.И. Биюшкиной, можно сказать, научного лидера неоконсервативного направления в историко-правовой литературе³.

Обращает на себя внимание то, что в ее кандидатской диссертации, защищенной в 1998 г., судебная реформа рассмотрена в традиционном русле постсоветской литературы как важное и благое дело⁴. Спустя несколько лет

¹ Там же. С. 176-178.

² Министерство юстиции России за 200 лет (1802-2002). Историко-правовой очерк. М.: Норма, 2020.

³ Биюшкина Н. И. Охранительные отношения в Российском государстве в период правления Александра III (с марта 1881 г. по 1894 г.). Н. Новгород, 2011; она же Политико-правовое развитие Российского государства в условиях охранительного внутривластного курса (1870–1890-е гг.). Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Н. Новгород, 2011; она же Ограничительно-охранительные отношения в сфере местного самоуправления в Российском государстве во второй половине XIX в. М., 2011; она же Дискриминационно-охранительные отношения в Российском государстве в период правления Александра III (с марта 1881 по 1894 гг.). М., 2011; она же Охранительные отношения в Российском государстве в период правления Александра III (с марта 1881 по 1894 гг.). Н. Новгород, 2010, 2011; она же Идеология, государство и право в охранительной политике российского государства во второй половине XIX в. М.: Юрлитинформ, 2016; она же Институционализация охранительной политики Российского государства во второй половине XIX в. М.: Юрлитинформ, 2016

⁴ Биюшкина Н. И. Проведение судебной реформы 1864 г. В Российском государстве: На примере Нижегородской губернии. Дис. ... канд. юрид. наук, Н. Новгород, 1998. Такое же

она защитила докторскую диссертацию, посвященную консервативному периоду правления Александра III, в которой, судебная реформа предстала цепью роковых ошибок, которые и были исправлены рядом мер, - теперь они признаны благими и своевременными, обеспечивающими законность и спокойствие страны. Вот такая трансформация взглядов.

Н.И. Биюшкина, вдохновляемая идеями Каткова и Победоносцева, теперь полностью оправдывает систему внутриполитических мер российского правительства 70-90-х гг. XIX в., направленных, по ее мнению, на восстановление режима законности и правопорядка¹ (особенно значимыми для обеспечения законности были, по ее мнению, Положение об охране 1881 г., институт земских начальников, органы чрезвычайной юстиции; принципы гласности и независимости суда, несменяемости судей вызывают у нее резкое неприятие и т.д.), экономического благосостояния и социальной стабильности. Это, по ее мнению, была *коррекция* либерального курса Александра II, придавшая даже *динамизм* [sic! – К.К.] преобразованиям 1860-х гг., приведшая их в соответствие с особенностями российской политико-правовой и социально-экономической действительности, сложившейся на рубеже 1870–1880-х гг.

Очевидно, что она не приемлет термин «судебная контрреформа», по ее мнению, не объективно отражающий характер изменений, которые происходили в пореформенный период в организации судебной власти. Цель охранительных преобразований в процессуальной сфере, на ее взгляд, состояла не в том, чтобы ликвидировать судебную систему, созданную реформой 1864 г., а «скорректировать ее положения в соответствии со сложившейся социальной и политико-правовой ситуацией в России». «Разгул революционного террора, захлестнувшие страну антиправительственные настроения, тайные общества, в которых участвовали студенческая молодежь и сочувствовавшая ей интеллигенция – все это представляло реальную угрозу стабильности российского общества и государства. В этих условиях правительство было обязано преобразовать пореформенное судоустройство и судопроизводство в охранительном направлении.²

Если для суровых критиков реформы суда во второй половине XIX в. в лице публицистов М.Н. Каткова и князя В.П. Мещерского, практиков, вроде В.Я. Фукса или придворного ученого-политика К.П. Победоносцева их жесткие оценки происходящего в судебном мире еще как-то объяснимы: они были все же в гуще событий, искренне переживали за судьбы русского суда, пусть и «со своей охранительной колокольни», то для современных ученых,

хорошее отношение к судебной реформе 1864 г. проглядывается в ее совместном труде с А. В. Киселевой «Судебная реформа в Российской империи 1864-1890 гг.: (на материалах Нижегородской губернии)». Н. Новгород, 2007.

¹ Биюшкина Н. И. Институционализация охранительной политики Российского государства. С. 214-319.

² Биюшкина Н. И. Институционализация охранительной политики С. 297-298.

юристов (!) пользующихся «охранительной лексикой» для оценки пореформенного суда и политики правительства по его «исправлению», это выглядит несколько странно, если не сказать жестче.

Большинство историков-эмигрантов солидарны, что конструктивная роль государства перевешивала политическую ограниченность самодержавия, и это особенно заметно при рассмотрении ими периода 1880-х годов. Далеко не все авторы используют термин «контрреформы», который прочно входит в историографию лишь в начале 1960-х годов, однако все они указывают на сокращение и урезание реформ Александра II¹. Несмотря на то что русские историки-эмигранты видят за законодательными актами 1880-1890-х годов конфликт «либеральных и консервативных элементов», выразившийся в репрессивных мерах по отношению к «обществу», сам по себе период контрреформ показан ими и в позитивном ключе. Контрреформы Александра III рассматриваются ими не столько с точки зрения их реакционного смысла, сколько с позиций интересов индустриальной революции в России².

Зарубежные исследователи, специально обратившиеся к исследованию пореформенных метаморфоз в области суда (в частности, Ф.К. Тарановский, В.Г. Вагнер)³, полагают, что у царизма было *стремление* провести судебную контрреформу, но в силу разных причин она оказалась прерванной, не состоявшейся.⁴

Впрочем, следует помнить очень точное замечание известного канадского исследователя П. Соломона, который оговаривался (и мы с этим абсолютно согласны): «В какой-то степени то, что составляет судебную контрреформу, находится в умах наблюдателей или представляет собой **оценочные суждения** [выделено мной – К.К.]. Таким образом, ученые не должны механически воспринимать взгляды участников тех конфликтов, которые они изучают. В то же время следует понимать, что судебная

¹ Beyerly E. The Europocentric historiography of Russia: An analysis of the contribution by Russian emigre historians in the USA, 1925-1955, concerning 19th century Russian history. – The Hague, 1973. С. 236-238.

² Цит. по: Большакова О. В. Реформы и контрреформы 1860-1890-х годов в исторической науке XX в. // Россия XX столетия в исторической науке: взгляды, концепции, ценностные подходы. В 3-х тт. М., 2000. Т.1. Ч. 1. С. 73.

³ Анализ ряда работ по данной теме см.: Большакова О. В. Власть и политика в России XIX-начала XX века. Американская историография. М.: Наука, 2008. Гл.7 Интерпретация контрреформ в американской историографии. С.153-165.

⁴ Wagner W. Tsarist Legal Policies at the End of 19th Century: a Study in Inconsistencies // The Slavonic and East European Review. 1976. Vol. 54. № 3. P. 371–394; Taranovski T. The aborted counterreform: Murav'ev Commission and the Judicial statutes of 1864 // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1981 - Bd 29, H.2. P. 161–184; Тарановски Т. Судебная реформа и развитие политической культуры царской России // Великие реформы в России. 1856–1874. Сб. / Под ред. Л. Г. Захаровой и др. М., 1992. С. 301–317.

контрреформа может иметь разрушительные последствия именно в качестве дискурса, без принятия или реализации каких-либо конкретных мер»¹.

Ф.К. Тарановский полагал, что в царствование Александра III вопрос о реформировании системы правосудия мог решаться лишь административными средствами и сосредоточился на изучении правительственного аппарата и бюрократических технологий, учитывая также идеологический фактор. В частности, он считал, что только с учреждением Комиссии Муравьева (1894 г.) была поставлена на повестку дня судебная контрреформа. Внутриправительственный конфликт, по его мнению, притупил атаки на суд в 1880 г. и предотвратил судебную контрреформу после 1894 г.

Впрочем, сразу возникает вопрос: почему же эти «конфликты» имели такое избирательное последствие – не остановили городскую и земскую контрреформу, но прервали судебную, тогда как именно суд вызывал куда большие претензии автократии, чем местное самоуправление?

Многие идеи, высказанные Ф.К. Тарановским, поддержаны и развиты в исследовании Х. Уилана «Александр III и Государственный совет. Бюрократия и контрреформы на закате имперской России». ² Во всяком случае, оба этих автора не ставят под сомнение реакционную сущность политики контрреформ, расценивая ее как стремление Александра III и его советников-традиционалистов «подправить» великие реформы 1860-х годов и восстановить «более традиционные модели русского абсолютизма». Главной целью контрреформаторов было усиление государственной власти путем установления бюрократического контроля. Мы вполне разделяем этот взгляд на цели контрреформы, применительно к суду.

Известный историк Марк Раев использовал термин контрреформы, но применительно только к университетской и земской (земские начальники)³.

В статье У. Вагнера⁴ анализируются акты, принятые для «поправления» Судебных уставов в 1866-1889 гг., но автор заявляет, что они не носили принципиального характера (интересно, что имеет принципиальный характер в понимании этого автора), что изменения касались почти исключительно области уголовного права и политических преступлений (разве этого мало, учитывая размах функционирования политической юстиции в России во второй половине XIX - начале XX в., «искривление» суда присяжных и т.д.?). Автор указывает на парадокс в государственной политике по отношению к судебным институтам: хотя правительство было их главным критиком, и

¹ Соломон П. Угроза судебной контрреформы в России // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 3(52). С. 50–60.

² Whelan H. Alexander III and the State Council. Bureaucracy and counter-reform in late Imperial Russia. New Brunswick, 1982.

³ Raeff M. Understanding Imperial Russia. State and Society in the Old Regime. N-Y. 1984. P. 86-187.

⁴ Wagner W. Ibid. P. 391-392.

имело возможности и мотивы их отменить, тем не менее, именно правительство оставалось при этом важнейшим фактором их сохранения. Причиной такой амбивалентности он считает, во-первых, бытовавшее в правительственной среде убеждение, что независимая юстиция является важным атрибутом любого цивилизованного государства, и, во-вторых, осознание того факта, что современная правовая практика необходима для обеспечения экономического роста.

У. Вагнер указывал, что «новеллы» были направлены на расширение и усиление правительственного контроля над правосудием для того, чтобы обеспечить общественный порядок, политическую стабильность в стране, однако эти изменения не носили принципиальный характер, и даже суд присяжных – наиболее критикуемый институт новой системы – устоял, хотя и претерпел ограничения юрисдикции.

Если Ф.К. Тарановский признавал реакционный характер актов судебной контрреформы, то Т. Пирсон наделяет их исключительно прикладным и прагматическим характером. Изучение деятельности мировых судов с 1866 по 1889 гг. привело его к заключению (на наш взгляд, спорному), что, вопреки традиционной точке зрения, в сельской местности мировым судам не удалось обеспечить задуманный реформой 1864 г. правопорядок. Среди причин «провала» мирового института, автор называет «отсутствие достаточно усердного и политически надежного (с точки зрения правительства) персонала»; местные «институциональные конфликты, порожденные фрагментарными реформами 1860-х» и во многом являющиеся отголосками конфликтов министерств; и, наконец, тотальное невежество, бедность и пассивность местного населения¹.

Анализ слабостей мировых судов в сочетании с недостатками земского и крестьянского самоуправления позволило автору предположить, что контрреформы являются наиболее прагматическими в ряду законодательных мер по ликвидации административного и правового «хаоса» в губерниях, которые предпринимались с конца 1870-х годов (на самом деле всё началось значительно раньше). Они, по мнению Т. Пирсона имели целью улучшить качество управления при ограниченном количестве персонала, и достигнуть этого можно было путем бюрократизации управленческой структуры²/ Примером победы бюрократической централизации, пишет автор, являлся закон о земских начальниках, воплотивший в себе веру Александра III в то, что именно бюрократизация местного управления и юстиции может гораздо

¹ Pearson T. Russian law and rural justice: Activity and problems of the Russian justices of peace, 1865-1889// *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*. Wiesbaden, 1984; P. 52-71. Также см.: Pearson T. *Russian Officialdom in Crisis: Autocracy and Local Self-Government 1861-1900*. Cambridge (Mass.), 1989.

² Ibid. P. 69.

эффективнее, чем сложные правовые процедуры, заимствованные с Запада, обеспечить уважение к самодержавию в деревне^{1/}

В своем очерке, основанном на достижениях американской историографии последних десятилетий, У. Пинтнер ставит под вопрос саму концепцию контрреформ. И либеральная, и марксистская историография, пишет он, разделяли представление, что начатое в эпоху великих реформ сближение с «европейской моделью» требовало последующих шагов в этом направлении – политической реформы, что не было реализовано в период контрреформ².

Он учитывает и альтернативный взгляд на проблему, предполагающий, что великие реформы вовсе не обязательно способствовали вестернизации России, и предлагает рассмотреть вопрос о самой возможности вестернизации, ее степени и сферах ее приложения. При таком подходе возникают сомнения в общепринятом термине «контрреформы 1880-х годов».³ Он стремится выяснить, были ли реформы 1860-х годов «важными шагами», которые в ближайшем будущем привели бы к сближению с Европой, и «что же положило конец эпохе великих реформ: реакционные взгляды Александра III или реалии русской жизни?». И, наконец, «уничтожили ли контрреформы прогресс?»⁴.

Подводя итоги своего краткого очерка, У. Пинтнер размышляет о природе великих реформ и последующих контрреформ. Он доказывает, что, поскольку целью великих реформ было создать основу для дальнейшего существования России как великой державы, при создании минимальных предпосылок социально-экономического развития, то, учитывая самодержавную традицию, можно сказать, что контрреформы были в сущности автоматическими и неизбежными. Автор приходит к заключению, что несмотря на разницу в подходах, и те, и другие законодательные меры представляли собой попытки приспособить самодержавные институты к изменяющимся социальным условиям, а также обеспечить необходимый для безопасности страны уровень и темпы экономического развития⁵.

Завершая обзор литературы по проблеме судебной контрреформы, следует заключить, что длящаяся на протяжении десятилетий дискуссия о ней, как и о других контрреформах, еще не завершена. Нужно признать, что нынешнее противостояние не утратило вполне, как полагал А.С. Смыкалин, своего идеологического подтекста: в либеральном прочтении контрреформы интерпретируются как меры, которые помешали продвижению России по пути к превращению в правовое государство, в то время как консервативный

¹ Ibid. P. 71.

² Pintner W. Reformability in the age of reform and counterreform, 1855-1894 // Reform in Russia and the USSR. Urbana, 1989. P.83-106.

³ Ibid. P. 87.

⁴ Цит. по: Большакова О. В. Реформы и контрреформы. С. 78.

⁵ См.: Там же. С. 79.

взгляд концентрируется на неограниченной самодержавной форме правления и его «самобытности», подчеркивая мудрость «стабилизирующих» мер правительства.

Как нам представляется, вопрос, в конце концов, должен быть не о том, каким термином надо *«это»* назвать и какой «оттенок» - позитивный или негативный ему придать, ставить ли его в кавычки или употреблять с оговоркой «так называемая», а какова *суть, содержание, направленность судебной политики* самодержавия в позднеимперский период с точки зрения прогресса права, законности и свободы личности, какие идеи вдохновляли власть предержащих – охранительные или «прогрессистские». «Лакмусовой бумажкой» для определения содержания судебной политики должно, на наш взгляд, стать отношение власти к ключевому принципу – независимости суда.

Признаки (критерии) контрреформы. Сущность и содержание любого явления, в том числе исторического, равно как и определение его понятия, начинается с нахождения его признаков. Именно их совокупность позволяет понять его сущность и содержание. Каковы же общие критерии (признаки) контрреформы как исторического явления, неоднократно имевшего место как в мировой, так и в отечественной истории?

Прежде всего, следует оговориться, что контрреформа это, по сути, тоже реформа, только повернутая вспять – содержание которой, как и у реформы – эволюционное изменение в определенной сфере жизни (экономика, социальная жизнь, политика, правовая сфера, культурная). Только вектор – не вперед (что означает исторический прогресс), а назад – возвращение к уже пройденному (регресс). Но общая аксиома, многократно подтвержденная отечественной и всемирной историей такова, что при всем желании контрреформаторов полное возвращение дореформенного порядка, реставрация «старого» невозможна, ибо в результате реформы общество приобрело уже новый опыт¹.

Хотя направление движения – ретроградное – важнейший атрибут этого курса, независимо от того, какое название исследователь ему дает: контрреформа, «контрреформа», «так называемая контрреформа», «коррекция реформ» или что-то еще.

Именно вектор движения, его направление является первоочередным вопросом, а содержание (полнота), объем реставрации «старого порядка» – это уж второй вопрос хотя именно проведенные мероприятия, их результативность составляет содержание исторического анализа конкретного процесса.

Обратимся к весьма интересной конструкции «контрреформ», предложенной известным специалистом в области истории экономики

¹ Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. М., 1999. С. 57.

Ю.П. Бокаревым, а затем экстраполируем ее на почву преобразований в области российского суда в пореформенный период. Автор провел анализ содержания т.н. *«ретроградного движения»* как следствия реформ в экономике¹.

Любая экономическая реформа, уверен автор, защищает интересы одних социальных слоев и нарушает интересы других. Поэтому, как правило, проведение реформ наталкивается на сопротивление. Если не удастся найти компромисс, то происходит более или менее значительная дезинтеграция общества. Со временем заинтересованные в реформе силы расходуют свои ресурсы в ходе ее проведения, а ее противники накапливают ресурсы и консолидируют силы. Все это может повлечь за собой контрреформу, в ходе которой цели и направления реформы либо полностью уничтожаются, либо существенно изменяются.

Ретроградное движение в реформировании экономики, непредсказуемость его конечных результатов связаны также со сложностью экономической действительности, недостатками общих теорий, неверной формулировкой цели, отсутствием необходимой информации, дефектами стратегии, тактики и программы реформ, ограниченностью независимого от реформаторов контроля за ходом реформирования. Поэтому реформаторы должны быть готовы к тому, что результаты реформ могут быть весьма далеки от их ожиданий и расчетов. Тем не менее, несмотря на многочисленные неудачи и провалы, политические элиты большинства стран сохраняют веру в то, что реформы являются наиболее эффективным путем социально-экономического развития.

Ю.П. Бочкарев, опираясь на конструкцию известного российского экономиста В.М. Полтеровича, предлагает такую схему изучения «ретроградного движения», выразившегося в контрреформе. Развертыванием реформы стимулированные ею процессы не заканчиваются. Реформа кладет начало многим процессам, в том числе и непредвиденным заранее. С точки зрения реформаторов они могут быть позитивными, негативными и нейтральными. Нас особенно интересуют *негативные процессы*. Для их нейтрализации В.М. Полтерович² вводит понятие «корректирующие реформы».

Однако по разным причинам корректировка реформ при сохранении их целей часто оказывается невозможной, и негативные для реформаторов процессы перерастают в ретроградное движение – контрреформы. Очень часто контрреформы принимают характер сложного, многоэтапного процесса, в одних случаях стихийного, а в других – со своими целями и стратегией (именно так произошло с судебной контрреформой – с 1866 до

¹Бокарев Ю. П. Контрреформы: проблемы теории // Экономические реформы в России и за рубежом (История мировой экономики). Вып. 3: Сборник статей. М.: Институт экономики РАН, 2014. С. 19-20.

² Полтерович В. М. Элементы теории реформ. М.: «Экономика», 2007.

начала 80-х годов это был в известной мере стихийный процесс, в 80-е годы он приобрел характер «планового»).

Можно говорить, по крайней мере, о двух трактовках понятия «контрреформа» (неважно, в кавычках или без кавычек). Во-первых, контрреформой можно назвать действия, ведущие к *изменению направления и характера развития* по сравнению с тем, каким оно стало в результате предшествующей реформы. Во-вторых, что больше соответствует буквальному значению слова, это некое действие по *отмене, ликвидации результатов* реформы, имеющее своим следствием частичный или *почти* полный возврат к дореформенному состоянию.

Экстраполируем наши представления о контрреформе на «новый курс» в судебной сфере, называемый нами судебной контрреформой.

Полагаем, что следует выделить три важнейшие характеристики, описание которых позволит раскрыть суть и содержание судебной контрреформы:

- 1) постановка и реализация задач и целей, прямо противоположных судебной реформе;
- 2) системный характер этих мероприятий;
- 3) реализация названных мероприятий как правомерными (через комплекс законодательных мер), так и противоправными («теневая политика» руководства судебного ведомства под давлением высшей власти) средствами.

Итак, во-первых, судебную контрреформу *не следует* понимать как мероприятия властей по *возвращению дореформенной юстиции*. У контрреформаторов были близкие к этому, но все же иные цели. Отдавая отчет, что невозможно вернуться к дореформенному суду, они искали пути «исправления» тех мест в Судебных уставах, которые им казались неприемлемыми, в направлении превращения суда в привычный инструмент Администрации, находящийся полностью под его контролем, а судей и иных служащих системы правосудия в простых чиновников.

Если мы рассматриваем судебную контрреформу как регрессное движение по отношению к реформе, то и поиск задач и целей первой должен привести к мысли, что они должны быть прямо противоположны задачам и целям судебной реформы. Если концентрированно определить последние, то следует признать, что **реформа** была направлена на обеспечение независимости судей и создание и укрепление судебной власти, отделенной от власти административной, на обеспечение гарантий личности в судебном процессе, к которым, в первую очередь, относятся новые принципы судопроизводства. Общей характеристикой судебной реформы также следует признать расширение сферы судебной юрисдикции за счет соответствующего сужения сферы административного

Следовательно, для того чтобы считаться судебной **контрреформой**, соответствующие меры должны быть направлены на ограничение, либо

ликвидацию «сепаратности» судебной власти, ограничение либо устранение судейской независимости, сужение гарантий прав личности за счет свертыwania либо отмены принципов судопроизводства, обеспечивавших эти права.

Во-вторых, поиск индикатора судебной контрреформы лежит в плоскости признания *системного характера* мер (а не случайных и спорадических), направленных на достижение целей, противоположных *юрисдизации правосудия* (этим термином мы обозначаем возникновение в стране независимой судебной власти, наделенной специфической юрисдикцией, в сферу которой впредь не допускались вторжения власти исполнительной).

Судебная реформа вводилась не повсеместно и одномоментно, ее реализация затянулась почти на 40 лет (до 1899 г.). Но за это время Уставы подверглись серьезной ревизии, особенно в 70–90-е годы XIX в. Речь, уверен, нужно вести не столько о количественных показателях изменений Уставов 1864 г. (около 700 «новелл»¹), а о *качественных изменениях*, носивших *системный характер*, прежде всего по двум важнейшим позициям – подрыв независимости суда и принципа отделения его от администрации, а также расширение административной практики за счет сужения судебной юрисдикции (мы называем это, используя термин И.В. Гессена, «*бюрократизация правосудия*», т. е. возвращение судебной власти как минимум под опеку исполнительной, превращение судей в простых чиновников²).

В русле этой тенденции правительственной политики найдется место и для наступления на независимость суда и демократические принципы процесса, и ликвидации мировой юстиции, и серии законов, обнаруживающих поиск самодержавием подходящей инстанции для рассмотрения политических дел и многое другое.

И, наконец, «триаду» важнейших характеристик судебной контрреформы следует завершить указанием на то, что «подрыв» фундаментальных принципов правосудия, закрепленных в ходе судебной реформы, осуществляется *безосновательно или противоправными средствами*. Это свойство контрреформы подсказывает исследователю, что нужно обращать внимание, как на новеллы закона о суде в связке с основанием их внесения в закон, так и *правоприменительную практику*, и *политику* министерства юстиции по отношению к судебному ведомству.

Таким образом, на наш взгляд, *судебную контрреформу* следует определить, как *систему мероприятий правительства, направленных на бюрократизацию судебной власти, ограничение судейской независимости,*

¹ Муравьев Н. В. Из прошлой деятельности. В 2-х тт. СПб, 1900. Т. 2. С. 587.

² А.Н. Медушевский также усматривает суть контрреформ в усилении административного контроля и надзора со стороны государства. См.: Медушевский А. Н. Формирование гражданского общества: реформы и контрреформы в России. С. 73.

как правовыми, так и противоправным способами, а также расширение административного элемента в юстиции за счет юридического. Наиболее «успешными», в значительной степени достигшими своей цели были эти мероприятия правительства в сфере политической юстиции и ограничения суда присяжных и мировой юстиции.

Периодизация и основные направления судебной контрреформы: общая характеристика. Отметим, что проведенная судебная контрреформа, в отличие от земской и городской, не была «точечной». Масштабность изменений, которые внесла реформа 1864 г. в российский судебный строй, имел последствием глубину, систематичность и размах названных мероприятий, их протяженность во времени, что отразилось и на периодизации судебной контрреформы.

Нам представляется, что сложно представить линейную хронологию судебной контрреформы. Это связано с отсутствием какого бы то ни было плана ее мероприятий. Принимаемые политические решения, облекавшиеся затем в законы, вносившие изменения в Судебные уставы, часто вызывались спонтанной реакцией на события общественно политической жизни, либо даже на отдельные судебные решения, по, выражаясь современным языком, резонансным делам.

Говоря о периодизации, следует, прежде всего, установить хронологические рамки реализации судебной контрреформы в том смысле, в котором мы ее понимаем. Именно при ее понимании как совокупности мероприятий по бюрократизации российского суда, следует в качестве *нижней границы* определить 1866 г., связав ее с законом 12 декабря 1866 г., изменившим судопроизводство по делам о нарушении законов о печати, — акт, «возвратный по духу»; к нему примыкает сходное в большей мере по тону, чем по значимости, Положение Комитета министров «О пространстве и пределах власти губернаторов», утвержденное 22 июля 1866 г.¹ и закрепившее право губернаторов вызывать (или приглашать) судебных чиновников, которые «обязаны непременно подчиниться его законным требованиям и оказывать ему должное уважение».

В «весенний» период реформ (1861-1866 гг.) было немало сторонников «Великих реформ» во власти, Сенат еще можно было считать гарантом законности, в Государственном совете заседали еще немало «шестидесятников»², никакого попятного движения в политике мы не видим: реформы были в разгаре. Впрочем, и период с 1866 г. по 1870 г. современники небезосновательно называли «медовым месяцем судебной реформы», поскольку в этот период *значимых* актов судебной контрреформы не было. Более того, до 1885 г. не было не только программы, но и цельной

¹ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. XLI. № 43501.

² Даневский В. По поводу предстоящей реформы нашего судоустройства. М., 1896.

идеи контрреформы, несмотря на то, что значительное число важных актов, искаживших Судебные уставы был принят.

Тем не менее, покушение Д. Каракозова на царя, а также возмущивший последнего оправдательный приговор Петербургского окружного суда по «литературному делу» Ю. Жуковского и редактора «Современника» А. Пыпина, обвинявшихся в оскорблении чести и достоинства дворянского сословия, «случившиеся» в 1866 г., стали началом поворота правительственного курса (своеобразный «перелом царствования») в сторону контрреформ, прежде всего, и раньше всех, в области судебной¹.

Еще не успели высохнуть чернила на первом указе о введении в действие Судебных уставов, как пошли толки о необходимости сделать изменения в них. Академик А.В. Никитенко прозорливо записал в дневнике под 5 ноября 1866 г. в связи с мерами министра внутренних дел Валуева против печати «Свершилось то, чего боялись люди мыслящие: наступает время поворота, время реакции»².

Толки мало-помалу осуществились: после закона 1866 г., изменившего порядок суда по делам о печати, 1 июля 1868 г. был принят закон о кассационном залоге при жалобах на гражданские решения судебных палат (означавший по сути ограничение доступности правосудия). Дело Протопопова (1867 г.), обвинявшегося в нанесении оскорбления должностному лицу и признанного действовавшим в состоянии невменяемости, и оправданного присяжными, послужило одним из первых поводов к сокращению юрисдикции суда присяжных.

Окончательный поворот правительственной политики в сторону «обрезания» Судебных уставов обозначился в связи с процессом нечаевцев 1871 г., затем последовал ряд переделок во всех частях Уставов в направлении, в конечном итоге, ограничения независимости суда, обеспечения его «правительственного направления».

В качестве *верхней границы* следует, на наш взгляд, определить 1899 г., связав ее с окончанием работы Муравьевской комиссии и завершением работы над новой редакцией Судебных уставов, существенно отступавшей не только от их «буквы», но и от их «духа». В дальнейшем (с начала XX в.) следует говорить о коротком периоде своеобразного, пусть и робкого, Ренессанса Судебных уставов, оборванного Первой русской революцией.

Внутри названных границ следует выделить два главных этапа судебной контрреформы; основанием для такой периодизации является уровень упорядоченности действий правительства в названной сфере и в данном направлении, т.е. наличие/отсутствие плана действий.

¹ См. также: Медушевский А. Н. Реформы и контрреформы в истории России XVIII-XIX вв. // Вестник высшей школы. 1990. №4. С 66-73.

² Никитенко А. В. Записки и дневник. В 3-х тт. СПб, 1893. Т. 2. С. 121.

1. Несистематичный («реакционный»)¹ (1866-1885 гг.) – от закона о печати 1866 г. – до проектов Пазухина и К.П. Победоносцева. Странно было бы ждать от создателя Уставов разрушения созданного своими руками, поэтому в названный период «отщипывали от Уставов по кусочку». Сначала мероприятия по «исправлению» Судебных уставов являли собой *рефлексию, ответные действия, реакцию* на раздражающие акты революционеров (напр., убийство С.М. Степняком-Кравчинским шефа жандармов Н.В. Мезенцова - закон 9 августа 1878 г. о передаче отдельных категорий дел военному суду; убийство императора Александра II – Положение об охране 1881 г.) или судебные приговоры («неудовлетворительный приговор по делу «нечаевцев» - закон 19 мая 1871 г. о жандармском дознании по политическим делам; оправдательный приговор по делу В. Засулич – закон 9 мая 1878 г., сокративший компетенцию суда присяжных и т.д.).

2. Систематичный (плановый) (но не завершённый) – 1885-1899 гг. (до окончания работы Комиссии Муравьева)². Именно на этом этапе был разработан *план, который* должен был воплотиться в проекте комиссии Муравьева. Он совпал с «периодом контрреформ» (80-е - начало 90-х годов XIX в., когда были проведены земская, городская, университетская и др. контрреформы), начавшимся после убийства императора Александра II.

Как отмечалось, к концу 70-х годов значительная часть властной элиты разочаровалась в реформах и, наверное, особенно сильно в судебной реформе 1864 г. Причин тому много, и, пожалуй, среди основных – разочаровывающие приговоры судов по резонансным политическим и уголовным делам. Концентрированное выражение этого недовольства, равно как и план мероприятий по преодолению «недостатков» российского судоустройства и судопроизводства можно найти в докладе К.П. Победоносцева императору 30 октября 1885 г.

Записка (доклад) Победоносцева содержала такие основные положения, которые должны были гарантировать возврат суда в общий строй государственных учреждений и судебных порядков. Значительная часть его идей не была новой: она была отчасти уже реализована в предшествующий период (1866-1885 гг.), другая часть его предложений, к счастью, не полностью, воплотилась в мероприятия в 1885-1899 гг.³

В силу своей значимости для понимания стержневых мероприятий и основных направлений судебной контрреформы, предложения К.П. Победоносцева, изложенные в его докладе царю 30 октября 1885 г., заслуживают более детального освещения.

¹ Имеется в виду значение слова «реакция» (от лат. ге- против и action-действие) – ответное действие, противодействие.

² См.: Общий обзор деятельности Министерства юстиции и Правительствующего Сената за царствование императора Александра III. СПб, 1901.

³ См. К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т.1. Полугом 2. М.-Пг, 1923. С. 508-514.

Ключевым предложением доклада Победоносцева было следующее: «Необходимо ввести судебные установления в общий строй государственных учреждений, от коего ныне представляются они как бы отрезанными, в виде самостоятельной независимой власти. В Российском государстве не может быть отдельных властей, независимых от центральной власти государственной»¹. Принцип отделения суда от администрации был, что называется, «осиновым колом», который был вбит в дореформенную систему судопроизводства, и именно он вызывал просто негодование исполнительной власти, прежде всего, по всей вертикали МВД в течение всех пореформенных десятилетий. И именно на его устранение было направлено первое предложение сторонника полноценного и неограниченного самодержавия К.П. Победоносцева.

Следующая идея Победоносцева касалась покушения на важнейшую гарантию независимости судей – принцип несменяемости: «Возведенная в принцип абсолютная несменяемость судебных чинов представляется в России аномалией странной и ничем не оправданной, ибо в нашей истории не могло образоваться доныне особое судебное сословие, крепкое знанием, преданием и опытом и связанное чувством и сознанием корпоративной чести... Под покровом несменяемости развиваются и укрепляются всякие беспорядки, происходящие от неспособности, лени, равнодушия, формализма».

«Необходимо, и как можно скорее, пресечь деморализацию, которую распространяет в обществе публичность всех судебных заседаний, возведенная в абсолютный догмат поборниками отвлеченных начал судебной реформы», - нападал Победоносцев на одно из важнейших завоеваний судебной реформы 1864 г. принцип гласности судопроизводства. Допускаем, что в данном случае обер-прокурор Синода был недоволен тем, что залы судебных заседаний стали привлекать население не меньше, чем театры и церкви, а присутствие на судебных баталиях, на его взгляд, развращало слушателей и зрителей, подрывало моральные устои русского православного общества. «При слабости нашей общественной среды губернской и уездной, при отсутствии в ней серьезных умственных интересов, при господстве в ней привычек к праздности, ищущей развлечений и сильных ощущений, - публичное заседание по уголовному делу превращается в спектакль, недостойный правосудия; женщины, девицы и даже дети присутствуют в нервном волнении при самых возмутительных и соблазнительных сценах». Но на деле забота о нравственности превратилась в итоге (после реализации идеи в законе 1887 г.) в удобное средство камуфлирования злоупотреблений суда в политических процессах, что стало гарантией ожидаемых правительством обвинительных приговоров.

¹ Выдержки из доклада цитируются по рукописи из фонда Муравьева. См.: РГИА. Ф. 995 (личный фонд Н. В. Муравьева). Оп. 3. Д. 15. Л. 19-25.

В участии в процессах сословия присяжных поверенных (адвокатов) Победоносцев видел главную причину несутрадных, с его точки зрения, приговоров и решений, поэтому, что называется, не стеснялся в словах, говоря о них. «Необходимо принять решительную меру к обузданию адвокатского произвола..., настаивал он в своем докладе. - Вольность этой профессии дошла до того, что адвокаты, эксплуатируя своих клиентов в видах личной наживы, в то же время терроризируют на суде и судей, и обвинителей, и свидетелей, возбуждая публику искусственными приемами, действующими на нервы... Давно уже пора принять меры против этого сословия, которое всюду, где ни распространялось, представляло величайшую опасность для государственного порядка». Существование, да еще неподконтрольное и активное участие не зависимой от правительства социальной группы, разумеется вызывало раздражение «телохранителя» самодержавия.

Отдающим затхлым душком дореформенного судопроизводства с его письменностью, канцелярщиной, повальным взяточничеством чиновников канцелярии было следующее предложение обер-прокурора: «Необходимо усилить значение канцелярии в составе суда. Совершенное уничтожение канцелярии как центра умственной и подготовительной работы было великой ошибкой Судебных уставов».

Главной мишенью среди всех других судебных институтов созданных в 1864 г. был суд присяжных. «Учреждение присяжных в уголовном суде оказалось для России совершенно ложным, совсем несообразным с условиями нашего быта и с устройством наших судов, и как ложное в существе своем и в условиях, послужило и служит к губительной деморализации общественной совести и к извращению существенных целей правосудия», – считал Победоносцев.

Еще одно предложение Победоносцева - «распределение подсудности между органами суда требует самого тщательного пересмотра» - напрямую было связано с начавшимся еще в конце 70-х годов процессом последовательного изъятия категорий дел из юрисдикции суда присяжных. Этот процесс, в полном соответствии с указаниями обер-прокурора был продолжен и в 80-е годы.

Победоносцев также настаивал: «Устав уголовного судопроизводства требует пересмотра с целью упрощения многих форм, крайне усложняющих ход процесса и затрудняющих отправление правосудия». Процессуальные формы, принципы и технические детали уголовного и гражданского процесса, «подсмотренные» отцами судебной реформы у западноевропейских государств, были что называется выстраданы в ходе многовекового развития судебного процесса. Важнейшим их предназначением было обеспечение прав личности в процессе. Именно это не нравилось ретроgrадам, именно их ограничение, прежде всего, в политических процессах, равно как и в уголовных процессах с участием

присяжных заседателей, было заветной мечтой противников буквы и духа Судебных уставов. Делалось это подчас тонко – под видом упрощения процесса. Именно в этом смысле следует понимать данное предложение в докладе Победоносцева.

С самого начала кассационный порядок обжалования, «заимствованный» отцами судебной реформы из Франции и, по убеждению консерваторов и «поклонников старины глубокой», претивших русскому духу, вызывал неприятие Победоносцева. «Установление порядка кассационного судопроизводства, отдельно и независимо от рассмотрения дел по существу, оказалось нововведением, непригодным для России, и возбуждает постоянные жалобы населения. Педалируя надуманную идею о том, что пересмотр дела по формальным основаниям непонятен русскому человеку, автор настаивал на возвращение многократно осужденного наукой и практикой дореформенного ревизионного (причем, многоступенчатого) порядка пересмотра судебных решения, затягивавших осуществление правосудия по делам на десятилетия.

И, наконец, последняя сентенция Победоносцева, изложенная в докладе царю: «К сожалению, новые судебные учреждения, устремив все внимание на гарантии гражданской свободы, ... оставили без внимания самые существенные потребности – порядок и безопасность; т.е. расширив и заключив в строгие формы атрибуции судебной власти, стеснили несоответственно свободу действия власти исполнительной. ... Необходимо ...предоставить и власти исполнительной принадлежащую ей, в круге ее, свободу действий. Этого требует настоятельно польза народная, ибо весь быт народный страдает от отсутствия безопасности и требует ограждения от лихих людей ныне во множестве гуляющих всюду под покровом гарантий, которые представляют им формы судебного производства».

Полагаем, что данное предложение – квинтэссенция плана Победоносцева: вместо обеспечения баланса интересов государства и личности он высказывался однозначно в пользу необходимости первоочередного обеспечения безопасности государства, пусть и в ущерб интересам личности, но зато на пользу власти исполнительной. Разумеется, как тогда, так и в позднейшие времена необходимость реализации подобного требования, необходимость отказа или ограничения гарантий личности объяснялись заботой о нуждах народа.

Полагаем, что полная реализация плана К.П. Победоносцева (назовем его *«программой-максимум»*) означала бы практически полный возврат к дореформенной судебной системе, что, конечно, было целью явно недостижимой в целом, как невозможно было вернуть назад крепостное право или «отменить местное самоуправление». Хотя, надо признать, что ряд предложений, высказанных «идейным отцом контрреформ», уже были опробованы в 70-начале 80-х годов (напр., «пошаговое» сокращение

юрисдикции суда присяжных, косвенное ограничение независимости судебных следователей, являвшихся по статусу судебными чинами и др.).

Более того, следует помнить еще о ряде подготовленных, но в силу разных причин нереализованных мероприятий, основная идея которых укладывается в русло мероприятий судебной контрреформы (законопроекты К.И. Палена о праве министра юстиции лишать звания присяжного поверенного, проекты двух комиссий О.В. Фриша (1878 и 1881 гг.), а также Верховной распорядительной комиссии М.Т. Лорис-Меликова о реформировании судопроизводства по делам о государственных преступлениях (1880 г.), проекты комиссий Евреинова (1885) и Красовского (1890), проекты Н.А. Манассеина, касавшиеся реформы адвокатуры и создания в составе Сената Высшего совестного суда¹ (это подрывало бы принцип кассации); комиссии А.И. Пятницкого и Н.Н. Селифонтова (1891 г.) для пересмотра законов о гражданском и уголовном судопроизводстве и др.

Нам представляется, что масштаб не только задуманного (но не реализованного), но сделанного правительством на пути «ограничения» Судебных уставов ставит под сомнение утверждение противников идеи о бытии судебной контрреформы о «скромности» этих преобразований российского суда и судебного процесса в пореформенный период.

Для претворения в жизнь основных положений этого доклада была подобрана и соответствующая фигура нового министра юстиции. Им был назначен в ноябре 1885 г. Н.А. Манассеин, креатура или, как иронично писал А.А. Половцов, «приказчик» К.П. Победоносцева². И ему, даже несмотря на противодействие в Государственном совете и Сенате со стороны либеральных юристов и политиков, удалось сделать немало по реализации «плана Победоносцева», хотя, справедливости ради, отметим, что судебно-административная контрреформа 1889 г. (введение земских начальников и ликвидация мировой юстиции) не лежит полностью на совести министра юстиции: Манассеин не возражал против введения земских начальников, но был категорически против одновременного уничтожения мирового суда на значительной территории страны.

Более продуктивно работал над реализацией идей К.П. Победоносцева сменивший Н.А. Манассеина на посту министра юстиции Н.В. Муравьев. Во время представления Победоносцевым своего доклада царю (1885 г.)

¹ Высший совестный суд проектировался для рассмотрения гражданских дел, окончательно решенных судами. Он мог перерешать любое гражданское дело, руководствуясь не законом, а требованиями истинной справедливости и нравственным принципом внутренней правды (дела должны были поступать в него, согласно указанию царя по представлению министра юстиции). Это могло бы стать аналогом дореформенной процедуры подачи всеподданнейших прошений об отмене решений Сената. Проект и суждения противников проекта Манассеина – в XI томе «Подготовительных материалов» Комиссии Н. В. Муравьева

² Половцов А. А. Дневник государственного секретаря // Под ред. П. А. Зайончковского. В 2-х тт. М., 1966. Т. 2. С. 36.

Муравьев работал всего лишь прокурором Московской судебной палаты, однако у нас есть неопровержимое доказательство того, что он получил информацию о содержании названного доклада, что называется, из первых рук. В личном фонде Н.В. Муравьева в РГИА хранится дело (изученное нами), касающееся основ пересмотра судебных порядков¹, включающее в себя записку самого Муравьева (в ту пору уже министра юстиции) «О необходимости изменений судебных учреждений и судебных порядков» (лл.1-18 – черновой набросок доклада Муравьева царю 7 апреля 1894 г.) и анонимную машинописную записку по сходной теме (лл.19-25). Авторство последнего документа установить нетрудно, ибо это – *аутентичная копия доклада К.П. Победоносцева Александру III 30 октября 1885 г.*²

Что касается записки Муравьева, то она представляла собой более сдержанную версию «плана» Победоносцева (ее можно назвать **«программой-минимум»** судебной контрреформы). Она могла бы быть реализованной, но, во-первых, изменилась объективная ситуация: на смену решительно-консервативному Александру III (уверены, что, проживи он еще несколько лет, «программа-минимум» судебной контрреформы стала бы реальностью в полном объеме) пришел вяло-консервативный Николай II, мало интересовавшийся делами судебного ведомства, полагаясь на своего министра (Н.В. Муравьева), который все же позиционировал себя как поклонника Уставов 1864 г.

Во-вторых, Н.В. Муравьев получил в самой Комиссии неожиданно твердый отпор со стороны последовательных сторонников Судебных уставов, которых в то время было еще немало в верхних эшелонах «юридического мира». В связи с этим, общий дух проекта, подготовленного Комиссией Муравьева можно назвать в известном смысле, компромиссным, содержащим не только идеи «контрреформационной программы-минимум» (преимущественно), но и, отчасти, положения, направленные на совершенствование судебной системы и судопроизводства. Менее всего мы связываем отсутствие реализации плана «малой судебной реформы» Комиссии Муравьева возрастающим общественным движением, как это предлагают некоторые исследователи.

Основные направления судебной контрреформы. Таким образом, учитывая «протяженный» период реализации судебной контрреформы, следует анализировать весь комплекс актов, направленных на искажение Судебных уставов, принятых в период с 1866 по 1899 г., включая в него и проект, подготовленный Комиссией Муравьева, пусть и не реализованный, вернее, реализованный отчасти уже в начале XX в.

¹ РГИА. Ф. 995 (личный фонд Н. В. Муравьева). Оп. 3. Д. 15.

² К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т.1.Полутом 1. С. 68.

В Комиссии Н.К. Муравьева скрупулезно подсчитали все «новеллы» в области судоустройства и судопроизводства в пореформенный период. Картина выглядит следующим образом:

1. Изменения к Учреждению судебных установлений: касающиеся общих судов – 153, местных судов – 98 (всего 251).
2. Изменения в Уставе гражданского судопроизводства - 159 (по общим судам) и 62 (процесс в местных судах); всего 221.
3. Изменения в Уставе уголовного судопроизводства – 210.

А всего за период с 1866 г. по 1 янв. 1894 г. в Судебные уставы было внесено *682 изменения*¹. Следует, однако, оговориться, что многие из этих актов не имели никакого отношения к судебной контрреформе и носили характер *совершенствования законодательства* о суде и судебном процессе (в частности, касавшиеся гражданского и уголовного процесса)²; это имеет место в любой стране по мере изменения условий жизни и под влиянием разного рода потребностей. При всем своем совершенстве, Судебные уставы не могли оставаться в неизменном, «застывшем виде». Эти изменения объективно обусловлены, и мы их не относим к актам судебной контрреформы.

В целом соглашаясь с классификацией основных направлений судебной контрреформы, предложенной Б.В. Виленским³, полагаем, что эти направления следующие:

1. Трансформация политической юстиции.
2. Ограничение принципов судоустройства и судопроизводства.
3. Меры по сокращению подсудности суда присяжных.
4. Почти повсеместная ликвидация выборной мировой юстиции и введение института земских начальников и связанных с ними квазисудебных институтов.
5. Изменение подсудности политических преступлений с гражданской на военную.

¹ Выс. учр. Комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Подготовительные материалы. Т. 1. Законоположения, изданные в изменение или пояснение Судебных уставов 20 ноября 1864 г. (по 1 января 1894 г.) СПб, 1894. *Официальное обоснование мер судебной контрреформы* см.: Общий обзор деятельности Министерства юстиции и Правительствующего Сената за царствование императора Александра III. СПб, 1901; Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т.4. СПб, 1902. *Первый общий обзор мероприятий судебной контрреформы именно как системы мер по искажению буквы и духа судебной реформы 1864 г.* представлен в книге И. В. Гессена «Судебная реформа». СПб, 1905. Глава 7 «Важнейшие изменения в судебной реформе» (с. 142-179).

² О новеллах, которые улучшали Уставы 1864 г. см.: Жижиленко А. А. Общий очерк движения уголовно-процессуального законодательства после 1864 г. // Суд и права личности. Сб. статей под ред. Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянского М.: РАП, 2005. С. 71-72

³ Виленский Б. В. Судебная реформа контрреформа в России. Глава «Судебная контрреформа».

В этих направлениях выражена сложная природа судебной контрреформы, связанная с решением взаимосвязанных проблем, как совершенствования судебной формы борьбы с революционным движением, так и с бюрократизацией суда. Однако в эту пятичленную систематику мероприятий судебной контрреформы укладываются ключевые действия, предусмотренные *почти 700 актами* пореформенного законодательства о суде периода 1866-1899 гг.

Известный русский ученый-юрист М.П. Чубинский, выступая на общем собрании Русской группы Международного союза криминалистов в Москве в 1909 г., оценивая то, во что превратили русский суд в результате «совершенствования судебной системы» (как это называют неоконсервативные авторы) в пореформенный период, с горечью заключил: «Как это ни странно, очень часто в России нам приходится возвращаться назад и мечтать о том, что 50 лет тому назад считалось важным и уже достигнутым»¹.

Библиографический список

1. Ахиезер А. С. Ильин В. В., Панарин А. С. Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса. М.: Изд-во МГУ, 1996. – 400 с.
2. Биюшкина Н. И. Институционализация охранительной политики Российского государства во второй половине XIX в. М.: Юрлитинформ, 2016. – 480 с.
3. Бокарев Ю. П. Контрреформы: проблемы теории // Экономические реформы в России и за рубежом (История мировой экономики). Вып. 3: Сборник статей. М.: Институт экономики РАН, 2014. С. 19-20.
4. Большакова О. В. Бюрократия, реформы и контрреформы (1855-1894 гг.) в освещении англоязычной историографии. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.
5. Виленский Б. В. Судебная реформа контрреформа в России. Саратов: приволж кн. из-во, 1969. – 400 с.
6. Гессен И.В. Судебная реформа. СПб.: типо-литография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1905. – 269 с.
7. Демичев А. А. Судебная контрреформа или кризис судебной системы России в 70-80-е годы XIX в. (Новый взгляд на решение старой проблемы) // Государство и право. 2012. № 10. С. 66-73.
8. Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880 годов. М.: Изд-во МГУ, 1964. – 513 с.
9. К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т.1. Полутом 2. М.-Пг.: госиздат, 1923. – 440 с.
10. Медушевский А. Н. Реформы и контрреформы в истории России XVIII-XIX вв.// Вестник высшей школы. 1990. №4 . С 66-73.
11. Немытина М.В. Суд в России, вторая половина XIX - начало XX вв. Дис. ... докт. юрид. наук. М., 1999. – 403 с.
12. Реформы в России с древнейших времен до конца XX века. В 4-х тт. М.: РОССПЭН, 2016. Т. 3. «Вторая половина XIX – начало XX в.».

¹ Русская группа Международного союза криминалистов. Общее собрание группы в Москве. 4-7 января 1909 СПб. С.291.

13. Смыкалин А. Судебная контрреформа конца XIX в.: миф или реальность // Российская юстиция. 2000. № 10, 11; 2001. № 1, 3, 5, 7.
14. Taranovski T. The aborted counterreform: Murav'ev Commission and the Judicial statutes of 1864 // *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*. Wiesbaden, 1981 - Bd 29, H.2. P. 161–184.
15. Тарановски Т. Судебная реформа и развитие политической культуры царской России // Великие реформы в России. 1856–1874. Сб. / Под ред. Л. Г. Захаровой и др. М., 1992. С. 301–317.
16. Соломон П. Угроза судебной контрреформы в России // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 3(52). С. 50–60.